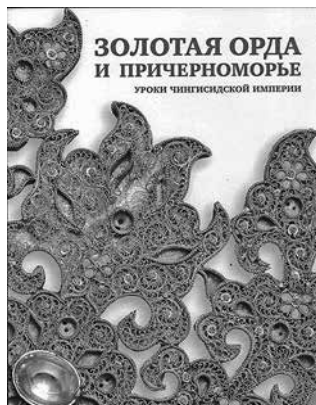

КНИГИ

**Золотая Орда и Причерноморье.
Уроки Чингисидской империи**

Каталог выставки в центре
«Эрмитаж-Казань»

М.: Фонд Марджани, 2019

Тигран Мкртычев

С апреля по октябрь 2019 года в Государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике «Казанский Кремль» в центре «Эрмитаж-Казань» прошла выставка «Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи». Помимо Государственного Эрмитажа в ее подготовке приняли участие восемь музеев из разных городов РФ, Национальный исторический музей Республики Беларусь, а также Фонд поддержки и развития научных и культурных программ им. Ш. Марджани (Москва).

Устройство этой выставки формально была вызвано 750-летием образования Улуса Джучи, части Великого Монгольского государства, более известного как Золотая Орда. Следует подчеркнуть, что исследования последних десятилетий постепенно нивелируют то негативное восприятие Золотой Орды, которое традиционно бытует в широком общественном сознании как «времени татаро-монгольского ига» и открывают сложную картину формирования многонациональной культуры под эгидой Чингисидской империи на огромном пространстве от Китая до Восточной Европы. Автором концепции выставки выступил известный специалист по культуре и искусству Золотой

Орды доктор исторических наук М. Г. Кромаровский. На основе материалов выставки большим коллективом авторов, включающим специалистов археологов, востоковедов, историков искусства был подготовлен каталог выставки.

Каталог выставки является концентрированным выражением мнений авторов по очень широкому кругу вопросов — от больших исторических процессов, происходивших на пространстве Евразии в XII–XIV веках, до краткого анализа произведений искусства, связанных с Чингисидской империей и Золотой Ордой. Каталог открывают приветственные статьи Президента Республики Татарстан Р. Н. Миниханова и директора Государственного Эрмитажа М. Б. Пиотровского. Вслед за ними следует большая статья автора концепции выставки М. Г. Кромаровского «Рах Mongolica и чингисидская цивилизация». По существу, М. Г. Кромаровский резюмирует основную тенденцию в современных исследованиях по монголоведению. Эта тенденция рассматривает Великое Монгольское государство, созданное Чингисханом, как опыт «создания глобальной средневековой миросистемы, так или иначе объединившей пять независимых региональных экономик и культур — Западной Европы, арабского мира, зоны Индийского океана, Китая и Великой степи. Сделав еще один шаг в осмыслении этого процесса, М. Г. Кромаровский предлагает рассматривать сложение чингисидской миросистемы как пролог глобализации (с. 20).

Представленные на выставке и включенные в каталог материалы (381 описание — более 400 предметов) разделяются по нескольким темам, которые характеризуют различные аспекты искусства и культуры империи Чингисидов, а также ее отдельных частей — «Всадническая культура ранних Чингисидов», «Всадническая культура империи Юань и Золотой Орды», «Городская культура Чингисидов», «Северное Причерноморье и золотоордынская глобализация», «Золотоордынский Солхат-Крым».

Одной из характерных черт кочевых народов Евразии является всадническая культура, которая базируется на древнейшей традиции domestikации лошади. Эта традиция сформировала особый признак всаднической культуры — кочевническую триаду, представленную в материальной культуре и искусстве. Триада включает снаряжение коня; вооружение; убранство всадника, в системе которого основное значение имеют пояс и головной убор.

Не случайно поэтому раздел «Всадническая культура ранних Чингисидов» открывает каталог. В него включены обкладки богатых сёдел, выполненные из золота и серебра; детали конского убранства; поясные наборы, различные сосуды — поясные чаши, ковши, кубки; вооружение — от парадного топорика до сабли; шелковый мужской кафтан и кожаный шлем. Очевидно, что представленные в каталоге предметы имеют разное происхождение и достаточно широкую хронологию в диапазоне XIII–XV веков. Вместе с тем вызывает вопрос необходимости включения в каталог под № 8 сбруйного набора (?), который М. Г. Кромаровский определил как относящийся к киданьской империи Ляо. Исследователь датировал этот набор X–XI веками и увидел в иконографии драконов влияние северокитайской изобразительной традиции X–XI веков.

Несмотря на распад Чингисидской империи на несколько улусов, между самостоятельными государствами сохранилось тесное взаимодействие. Этой теме посвящен следующий раздел каталога «Всадническая культура империи Юань и Золотой Орды». В этот раздел включены поясные наборы, имевшие во всаднической культуре важное значение социального маркера. Материалы каталога демонстрируют появление в кочевнической традиции новых художественных решений, которые стали результатом включения в монгольскую империю регионов с новыми видами художественного ремесла. Эту тенденцию демонстрирует поясной набор, пряжки которого отражают не только иконографическое влияние искусства Китая, но и китайскую технологию — они выполнены в традиционной китайской технике перегородчатой эмали (№ 83). Наибольший интерес в этом разделе представляют изделия из ткани. К ним относятся женский халат; кафтан, сделанный из шелка с уникальным узором, гендерная принадлежность которого не определена, а также женский головной убор, тип которого маркирует высокий социальный статус его владелицы в монгольском обществе, — бокка (№ 45, 46, 50). Здесь стоит добавить, что сохранившийся из декора бокки круглый золотой медальон, украшавший переднюю часть головного убора (с. 137), представляет традиционную буддийскую скрещенную ваджру. Учитывая, что в империи Юань буддизм получил поддержку на самом высоком уровне (по сообщению источников, Чаги — супруга и советник Хубилая исповедовала буддизм — см. данное издание с. 212), можно предположить, что медальон не был случайным украшением,

а передавал факт принадлежности хозяйки головного убора к буддизму. В государстве Чингисхана буддизм был известен благодаря включению в состав империи народов, исповедующих данное учение (найманы, уйгуры, кидани). Кроме того, буддизм имел широкое распространение в Китае до прихода монголов и стал составной частью религиозной картины в империи Юань. В этой связи стоит обратить внимание на фрагмент золотого изделия (часть подвески?) неизвестного происхождения, которое также могло быть стилизованной перекрещивающейся ваджрой (№ 63).

Следующий раздел каталога «Городская культура Чингисидов» раскрывает новую страницу в истории кочевнических народов, объединенных в империю Чингисидов. Присоединение значительных территорий к империи привело к включению в ее состав регионов с развитыми городами. Кроме того, как административные, так и торгово-хозяйственные задачи, вставшие перед Чингисидами и их преемниками, выдвигали необходимость создания своих новых городских образований.

На выставке представлены материалы из раскопок С. В. Киселева на Кондуйском городище (Забайкальский край), где был выявлен дворцовый комплекс представителя монгольской знати, повторяющий китайские дворцовые сооружения — каменные украшения террас, терракотовые облицовочные плиты, концевая черепица. Большую роль в развитии городов в улусе Хубилая сыграло завоевание Китая, которое привело к созданию империи Юань. В результате этого в круг привычного кочевого образа жизни и традиционных ценностей оказались вовлечены как идеология, так и элементы быта, принятые среди оседлого населения Китая. Одним из важных факторов в идеологии империи Юань стал буддизм, существование которого в Китае имеет древнюю традицию. В этой связи особый интерес представляет фарфоровая статуэтка бодхисаттвы, в образе которой, как считает известный синолог М. Л. Меньшикова, изображена Чаби — одна из жен Хубилая, которая исповедовала буддизм (№ 117). В этот раздел включены различные фарфоровые, фаянсовые, кашинные и керамические изделия, получившие распространение в монгольской среде, постепенно изменяющей кочевой образ жизни. Очевидно, фарфоровые изделия, выполненные в Китае, представляли большую ценность, которую пытались сохранить, несмотря на утраты. Об этом свидетельствует фарфоровый кобальтовый сосуд, отбитая

горловина которого была заменена на металлическую (№ 120). Стремление к производству дорогих вещей, востребованных в золотоордынском обществе, демонстрирует использование кашина (белой глины), изделия из которого имитировали фарфор (№ 144–147). Развитие торговли и ремесла, сопровождавшее рост городов, потребовало введения своего денежного обращения, включавшего как разменную монету, так и средства крупных платежей (№ 163–207). Анализ денежного обращения Золотой Орды показывает на тесную связь чеканки монеты с исламизацией золотоордынского общества.

Четвертый и пятый разделы каталога («Северное Причерноморье и золотоордынская глобализация», «Золотоордынский Солхат-Крым») связаны с непосредственными научными интересами автора концепции выставки и автора вступительной статьи к каталогу М. Г. Кромаровского. Крымский полуостров на протяжении нескольких столетий был «западными воротами» «чингисидской миросистемы», где происходило удивительное соединение традиционных кочевнических воззрений на миропорядок (условно определяемое как тенгрианство) с несколькими мировыми религиозными учениями (христианством, исламом, иудаизмом). Предпочтение, которое в конечном итоге Джучиды отдали исламу, объясняется тесными связями со Средней Азией, Передним Востоком и даже удаленным Египтом, где ислам в разных его вариантах представлял своеобразный локомотив в развитии городов, ремесла и торговли.

Обращаясь к предметам искусства, на примерах, включенных в каталог, можно проследить, как при сохранении своего основного значения под влиянием исламского искусства происходит изменение в орнаментации традиционных изделий всаднической культуры — пряжек поясных наборов (№ 211–226). Особую группу предметов, характеризующих искусство времени Золотой Орды, представляют стеклянные изделия, демонстрирующие широкие торговые связи Крыма с окружающим миром — Италия, Западная Европа, Сирия, Египет. Исследователи считают, что существовало и местное производство стеклянных изделий, в котором отразилась мода на привозные вещи (№ 261–263). Следует обратить внимание на бронзовое зеркало из коллекции Фонда Марджани (№ 139). Оно прекрасно передает сложный характер культурного взаимодействия, происходящего в Золотой Орде. По мнению М. Г. Кромаровского, данное зеркало «принадлежит к редкой серии памятников, выпол-

ненных золотоордынскими бронзолитейщиками» (с. 236). Стоит добавить, что по форме оно воспроизводит китайские зеркала и содержит китайскую иконографическую композицию в центре — два симметричных лежащих копытных животных между стилизованной пальметтой. Вместе с тем на зеркале нанесена нечитаемая арабская надпись, которая была включена в матрицу для отливки зеркала, и персоязычное поэтическое высказывание, выгравированное после отливки. Таким образом перед нами пример синтеза различных культур и демонстрация перехода от арабского языка к персидскому, как основному языку официальной письменности в золотоордынском обществе.

Многолетние раскопки на территории золотоордынского города Солхат, которые проводил М. Г. Кромаровский, позволили исследователю выявить городскую планировку и сопоставить ее со сложной конфессиональной ситуацией в городе. Это, в свою очередь, дало основание для экстраполяции реконструируемой картины на историю формирования городской культуры не только данного города, но Крыма в целом.

Подводя итог анализа рецензируемого издания необходимо отметить прежде всего широту материалов, задействованных в каталоге — от фрагментов архитектурного декора и надгробий до керамических произведений и изделий из ткани. Краткие описания этих предметов, сделанные высококлассными специалистами в своих областях, являются фундаментальной научной базой и оставляют большой простор для дальнейших искусствоведческих исследований.

Очевидно, что подобное издание окажет большую помощь историкам искусства, занимающимся не только искусством кочевых народов Евразии XI–XV веков, но и Китая эпохи династии Юань, а также средневекового арабо-мусульманского мира.